

18+

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ НА НЕБЕСАХ

Семейная сага

Татьяна Муратова

Часть 1

Татьяна Муратова

**Встречай меня на небесах.
Семейная сага. Часть 1**

«Издательские решения»

Муратова Т.

Встречай меня на небесах. Семейная сага. Часть 1 /
Т. Муратова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Альтернативный современный мир. Восточный
герой. Истории о том, как трудно удержать любовь в себе и рядом, пронести
через годы и не разочароваться.

Содержание

Глава 1. Не перечь отцу	6
Глава 2. Зураб звучит гордо	16
Глава 3. Милая рядом	25
Мечты Зураба	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Встречай меня на небесах Семейная сага. Часть 1

Татьяна Муратова

© Татьяна Муратова, 2026

ISBN 978-5-0070-4802-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4803-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Альтернативная Россия, Кавказ, арабский мир. Совпадения случайны. Роман не документален, не автобиографичен, вопросы вероисповедания и национальности в рамках художественного домысла. Главные герои совершеннолетние. Названия психотропных и наркотических средств не приводятся. Роман о плотских грехах и о борьбе с ними.

Глава 1. Не перечь отцу

Отец Михаил, православный священник пятидесяти лет, в подряснике и выдавшие лучшие времена сандалиях, выйдя после воскресной литургии в пекло жаркого летнего дня, заметил на пороге старинного храма албанской архитектуры смуглого мальчика лет одиннадцати, из местных. В их горном кавказском селении мало проживало русских, семей пять, включая семью священника.

— А, Зураб, здравствуй, дорогой.

— Салам алейкум, батюська. Хосю помось.

— Что ж, благой помысел. Пойдём. Яму для вишни выкопаешь?

— Да!

Отец Михаил достал из кладовки в притворе лопату, показал место, где следовало копать, скупно, но тепло улыбнулся:

— Только ведь ты босиком, справишься?

Мальчик уверенно закивал головой: ему не привыкать, по селу бегал в одних шортах, рубашку дэда* (*мама) выдавала лишь в школу и в Новруз* (*праздник весны), а галоши — в редкие заморозки.

— Не надумал креститься? — батюшка по-доброму потрепал мальчику жёсткие волосы.

Зураб, сверкнув живыми выразительными глазами, шмыгнул носом и отвернулся в сторону. Его как магнитом тянуло под геометрически выверенные своды каменного храма и в гости к священнику, но ходил по-прежнему нехристом. Безбожные атеистические годы советской власти наложили отпечаток на утульцев* (*народность на Кавказе), потерявших религиозность предков: не мусульмане, не христиане, но семейные традиции свято чтили. В семье Халидаевых православных не было — в далёком досоветском прошлом предки относились к мусульманам. Проблема мальчика состояла в том, что при желании креститься, он зависел от окружающих: узнают сельские о крестинах, узнают родители, брат — ему не сносить головы. Халидаевых уважали в округе, возлагали на них чаяния возрождения национальных традиций.

— Убьют, — честно выдохнул Зураб.

— Кто ж тебя убьёт: отец или брат? — не поверил батюшка.

— Отец. И Нарка, — нахмурился обычно улыбчивый мальчик.

— Могу тайно крестить, никто не узнает. Но крест носить необходимо, без него никак.

Зураб вовсе скуксился:

— Я думаль. Хотель монет на шею весить, на неё крест жёчь. Или на руке — слышаль, так делаль... Нарка всё одно глядеть, а потом бить больна, шибко, совсем убить.

— Боишься?

— Жить хосю, — мальчик зажмурился.

— Что ж, если решишься, говори, и не бойся, Господь убережёт.

Отец Михаил отправился домой, Зураб остался копать яму. Батюшка завздыхал: тяжело среди кавказских народов, с их обычаями — на службе два-три человека. Вот если бы в Грузию... Но его сослали в эти края пять лет назад, спас благочинный, а то неизвестно, где бы и чем бы сейчас небо коптил. Родом отец Михаил был из Баку, матушка — с Украины, теперь три дочери у них, шести, восьми и десяти лет. Жить не на что, слегка спасал огород, курочки; последние два-три года редкие прихожане стали молоко приносить, один раз даже тушу барана пожертвовали. Матушка в школу учительницей русского языка и литературы устроилась, она умная и терпеливая. Батюшка улыбнулся — думы о семье придавали силы. В прошлом году Халима, мать Зураба и Наркиса, привела сыновей с просьбой подтянуть по учёбе, в основном по русскому языку. Дети учились плохо, одни двойки, особенно у первенца. Наркис был старше Зураба без малого на четыре года — совсем джигит по восточным меркам, в школу ходил из-под палки, губы кривил, учиться не желал. Однако у Умара Халидаева не забалуешь, так что дополнительные занятия высиживал, скрипел мозгами. А вот Зураб оказался с пытливым умишком, на лету схватывал новые знания. Отец Михаил перекрестился: «Дай Бог мальчику принять крещение, жить в покаянии» и переступил порог полного детских голосов дома.

Выкопав яму и вернув на место лопату, Зураб вприпрыжку помчался по улице. Он не сомневался, что его «поджидают» — в горных селениях для пацана важно уметь драться: быстро, смело, жестоко. Конечно, старшего брата, которому уже почти пятнадцать, боялись почти все дети и подростки, но Наркис не спешил заступаться за младшего, чтобы тот сам учился стоять за себя.

Возвратился домой Зураб в пыли, с рассечённой губой. Наркис точил ножи на заднем дворе — у него поднабралась целая коллекция, часть которой перед армией он обещал подарить младшему брату. Только ему почти три года ждать придётся. Поведя широкими плечами, Наркис криво усмехнулся:

— В церкву бегал, ахмах* (*придурок)?

Зураб не соврал:

— Бэли* (*да).

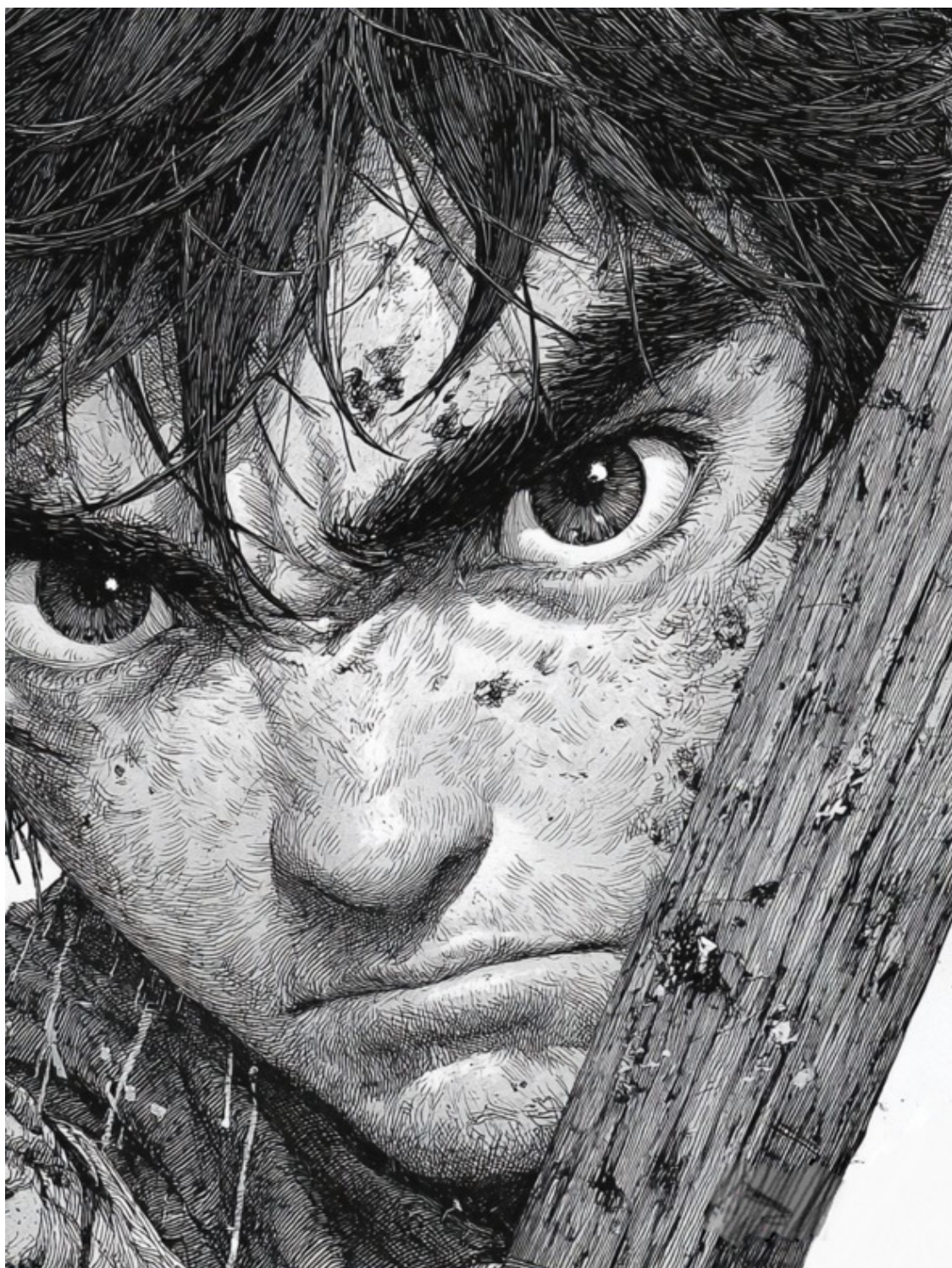
— Ты удин* (*христианский народ на Кавказе)?

— Хейр* (*отрицание).

Старший неторопливо подошёл и с размаху ударил в живот, потом — по спине. Зураб упал и закашлялся — у брата удар сильный, боксёрский.

— Пшёл за водой, — сплюнул зло.

Вообще-то Наркис зря не бил, но факт, что малый бегаёт в «церкву», до невозможности раздражал, поэтому каждый уловленный раз отступника наказывал, а Зураб терпел: всё правильно, так и надо, заслужил. Спустя два часа, похлебав чечевичного супчика на бараньем бульоне, вместе пошли заниматься к «поповской училке», как за глаза звали матушку в селе: Наркису грозила двойка по русскому языку в году, а Зурабу нравилось учиться. Нравилась ему и «матюська» со светлыми, чуть рыжеватыми волосами, ласковыми голубыми глазами, нравились все три «досики», тоже светлые, веснушчатые, а ещё певучие малопонятные молитвы, постный борщ из капусты, от которого мальчик никогда не отказывался и на который Наркис брезгливо морщился, потому что без мяса не мог. Иногда их угощали галушками или дранишками, Зурабу тоже вкусно. Матушка хвалила его за прогресс в учёбе и долго, дотошно разбирала с Наркисом очередное правило чистописания.

Они занимались весь год и ещё следующий. Дотянув до твёрдой тройки, Наркис перестал ходить к матушке, счёл: стыдно учиться, когда ты авторитет у молодёжи села, чемпион гюлеш* (*борьба) и ох атмаг* (*борьба на палках), виртуозно владеешь ножами, куришь и имеешь свободные деньги от торговли с щербатым цыганом из города. Зураб — другой, мечтательный, как девчонка, хоть и не крестился, бегал в храм, русский язык учил все школьные годы. Каждый раз старший бил его за дружбу с «поповцами», но и выставлял в гюлеш за деньги. Когда Наркиса «замели» в армию, то в последний день свободной жизни, накурившись до блевоты, он зло хвастался, что не вернётся в село, поедет в города искать сытую, богатую жизнь, халяву.

Действительно, не вернулся.

Шестнадцать лет спустя.

Под бьющие по мозгам басы, которые так нравились брату, и мимо извивающихся телес белобрысых девиц в блестящих купальниках, Зураб прошёл в вип-зону. Начало девяностых многим желающим хапнуть халяву и круто устроиться в жизни сносило головы напрочь, выжидали и устраивались отчаянные счастливики. Наркису удалось не порезаться до смерти и закрепиться в криминале благодаря негласной поддержке диаспоры во главе с Умаром Халидаевым: брат держал рэкет, трафик, разборки группировок. Зураб числился «на посылках» и тормозил старшего, когда тот зарывался. Впрочем, с годами Наркис горячность притушил, не лез куда ни попадя. Зураб присоединился после армии: перебрался в город, влился в криминал — думал, на чуть-чуть, застрял на шесть лет. Пора уходить, но уходить умно. Накопил денег, стал искать легальный бизнес, в который мог вложиться не засветившись.

Сидели уже второй час, обсуждая дела и вливая в себя шотландский виски. Раскрасневшийся Наркис никак не мог расслабиться, смотрел исподлобья, раздувая ноздри, его чуйка вопила, что брат темнит. Зураб морщился, ему всё не нравилось в клубе: музыка слишком агрессивная, девушки обнажено-навязчивые, ударивший по мозгам алкоголь плавил мозги, хотелось каши и тишины. Он не любил пить: если Наркису алкоголь обострял мыслительную деятельность, то на него действовал отупляющее.

Очередные девицы закончили танец и двинулись к братьям. По обычаю, блондинки — Наркис считал, что те только для эскорта и годятся. Сам женился на Мадине, девушке их национальности, смуглой, черноволосой, пять лет назад, только детей им Аллах никак не посылал, и это мучило старшего брата.

— Есть работа для тебя, — усаживая девиц по обе стороны от себя, бросил Наркис Зурабу.

— Знаешь ведь, наркотой не занимаюсь, — лениво отвечивал младший, допивая виски и следя, как белобрысая опускается к его ногам.

— Знаю... Честный способ заработать приличные деньги, как раз для тебя...

— Говори...

— Один раша-малиновый пиджак ищет шофёра и телохранителя в одном лице для семьи, ребёнок есть. Жадный, гад, жопится на штат. Знает, у меня профессионалы, просит одного... на полгода... М-м, шалава, не спеши... Я бы сказал, слишком скользкий тип, губу раскатал протиснуться в трафик. Хотел завернуть, да про тебя вспомнил. Загнул — пятьсот зелёных в неделю — думал, отвалит, а он согласился.

— Гм, дешевле вышло б отдельно шофёра и охрану. Как зовут?

— Стаценко Валерий Игоревич.

— Контакты сбрось, подумаю.

Наркис кивнул, довольный, решил, что брат у него на крючке.

В девять утра Зураб за рулём натюнгованного внедорожника ехал в коттеджный посёлок. Вчера поздно вечером он прозвонился-таки Стаценко и договорился о встрече. Подъехав по нужному адресу, огляделся — если возьмётся охранять, следует прощупать обстановку. Длинная улица, по сторонам — особняки, десять домов с одной стороны, десять с другой, и поворот. Выставка заборов, не иначе. Нужна ему такая головная боль? Посмотрит. Позвонил, ворота поднялись, запустили. Дом не маленький, в два этажа, на территории встретила охрана — ражие русские молодцы в камуфляже и бронежилетах. Серьёзно? Даже у Наркиза такой показухи нет, а уж он любил пыль в глаза пустить. Кого ж так берёт малиновый пиджак? Себя, родимого? Или драгоценную семейку? Зураб не стал пробивать Стаценко, не дошло вчера до

того — вот если согласится на условия, тогда можно капнуть. Он колебался: за полгода дополнительные тринадцать тысяч пятьсот проклятых американских не помешают, можно будет вложиться в бизнес в ближайшее время.

Камуфляжники вылупили глаза на Зураба. Да, милые, вы свидетели чуда: кавказец явился прислуживать раше. Отлично Наркис уел братца. Интересно, давно задумал или спонтанно взбрело в пьяную башку? Зураб подмигнул обалдевшим мужикам и, вальяжно поправив на поясе «макаров», вошёл в дом. Прекрасно понимал, как выглядит со стороны: чёрный седан, чёрный нерусь, чёрная одежда, чёрная борода, чёрные очки. Жаль, маску не нацепил. Мгновенно, не дожидаясь: «Добрый день, пройдите, пожалуйста, вас ожидают», взлетел на второй этаж — где ж ещё кабинету хозяина прятаться? Валерием Игоревичем оказался коротко стриженный среднего роста мужчина лет тридцати пяти. Не любил таких Зураб: вроде черты лица правильные, пузо не висит, а из глаз тухлятиной прёт, зацепиться не за что. Впрочем, им за одним столом не сидеть, спину друг другу не прикрывать. При виде мрачного визитёра Стаценко вздрогнул — аж приятно стало — до чего ж Зурабу нравилось, когда его пугались!

— Здравствуй... те, Зураб... — как по отчеству? — взял себя в руки хозяин.

— Просто Зураб. Салям алейкум, Валера.

Метнулись глаза туда-сюда, клацнул зубами Валера — не любил, видать, панибратства. Ощерился Халидаев:

— Какая работа?

— Наркис Умарович уверял, что вы лучший из лучших. Понимаете, у меня семья. Я, жена, сыну десять лет. Ещё младшая сестра и бабушка. Мы с женой ездим каждый на своей машине, охрана с нами. Сестра в институт сама добирается, её в расчёт не берём. А вот бабушка любит в церковь ходить, и в поликлинику. Сына в школу и на тренировку возить нужно. Работы не много, ничего опасного, с семи тридцати утра до восьми вечера, один выходной. Четыреста в неделю, на полгода.

— Пятьсот пятьдесят наличными с сегодняшнего дня, — Зураб снял очки и не мигая уставился в Валерину переносицу. — Подписывать ничего не будем, однако кидать не советую.

— Но... дорого, — тот поёжился.

— Сам сказал: я — лучший из лучших, работаю один. Не тянешь, нанимай двух-трёх — если повезёт, найдёшь пенсионеров по сотке.

— Я... согласен.

— Кого везу? — вернул очки на место.

— Бабушку, ей нужно в поликлинику. Я предупредил её. Когда вернётся, жена передаст примерное расписание на два дня, — выдохнул Валера с облегчением.

Зураб не пошёл во двор, потому что именно этого ожидал от него работодатель. Остановившись у основания лестницы на первом этаже, Халидаев приготовился слушать. Очки снял — нечего старушку пугать. Так и есть, послышались голоса:

— ...будет тебя и Ярослава охранять и возить, куда нужно.

— Тонечку? — голос старческий, но крепкий.

— За неё не волнуйся. Она уже большая, самостоятельная, сама до института доберётся.

В церковь обеих повезёт.

— Куда подевал Тараса?

А старушка-то не проста!

— Тараса я уволил, — недовольные ноты.

— Из-за того, что к Люське приставал?

Люська, надо думать, жена Стаценко?

— Именно. Теперь нанял такого, который приставать не будет, — жёстко, уверенно, но в данном случае бессмысленно, старушку ни к чему давить.

Интересненько! Люська — увидеть бы её — похоже, кавказцев на дух не переносила.

— И как зовут нашего нового охранника?

Опа-а! Вот и встретились! Разговорщики спустились вниз и нос к носу столкнулись с улыбающимся во все тридцать два зуба Зурабом, жгучим брюнетом в прикиде «а-ля-крутой рэпер». Валерий Игоревич, стушевавшись, пробормотал: «Мне пора на работу, а вы сами познакомьтесь».

Бабушка Зурабу понравилась. Он вообще любил бабушек, простых, прямолинейных, немощных телом и крепких духом. В их кавказском поселении уважали нене* (*пожилая женщина) Асиат, она была очень древней и невероятно красивой: умные, чуть раскосые глаза, тонкий нос, изящные пальцы, густые, хоть и седые волосы. Младший Халидаев, говорили, пошёл в неё: высокий, гибкий, с глазами лесной лани, с характерным изгибом губ, скрытым сейчас бородой. Наркис дразнил, якобы, как у девчонки. Наркис пошёл в отцовскую породу: кряжистый, с бойцовской мускулистой фактурой и рублеными чертами лица, в первые послеармейские годы у него была кличка Бычина. Так вот, бабуля напротив оказалась милой, у Зураба на сердце потеплело: невысокого роста, на морщинистом лице — живые умные глаза, платочек, платье в горошек. Он порывисто бросился навстречу:

— Салам алейкум, нене, бабуська. Меним адым* (*меня зовут) Зураб, — и поцеловал открывшей от изумления рот старушке ручку, отчего та дёрнулась и явно смутилась.

— А что, русских не нашлось?

— Не-е, — замотал головой, — я хорось шофёр!

— По-русски понимаешь? — вздохнула уныло.

— Цють-цють, — теперь усердно закивал головой. — Чох шадам* (*рад знакомству).

Бабушка сделала вывод, что голова с кивками и мотаниями слишком экзотический способ общения и зачем-то поправила платок.

— Господи, помилуй, — пробормотала чуть слышно. — Я тебя боюсь.

— Не, йох* (*нет), — опять глупо заулыбался Зураб, тряхнув головой, — не страшно. Как зовут бабуську, нене?

— Инна Семёновна, — она вздохнула, — тебе не выговорить, зови уж бабуськой.

Зураб как болванчик закивал головой и растянул губы в улыбке так широко, что сверкнул золотой коронкой тридцать шестого зуба. Подставив руку, проводил старушку к своей Сидир Ати* (*Скаковая Лошадь).

— Ну и махина! Ты точно умеешь с ней обращаться?

— Обьзатыльно, — открыл дверцу на заднее сидение.

— Какой же ты национальности, Зураб? — спросила Инна Семёновна, забравшись в салон.

— Азербайджанец, — русским он врал без зазрения совести: для них кавказцы все на одно лицо.

Впрочем, дед у него, действительно, азербайджанец.

Включил мугамную оперу* (*опера и мугамное ритуальное искусство импровизации) и с восторгом наблюдал, как бабушка ёрзает на месте. Для пушего эффекта сделал ещё громче и начал подвывать. Давно так не веселился, Инну Семёновну впечатлениями на весь день обеспечил. В поликлинику съездили нормально, вернулись к обеду. На порог вышла вызывающе разряженная женщина лет тридцати. Ага, вот и хозяйка! Стоит на пороге, телом дверь прикрывает. Не хочет в дом запускать? Пусть так, без разницы. Закинул в рот жвачку, вернул очки на место, придал лицу кирпичеобразное выражение и вразвалочку двинулся за заданием. Он на работе, но прогибаться не намерен. Женщина опешила, может, даже струхнула — Зураб с детства тонко чувствовал страх в человеке, видел в позе, жестах, движении, ловил пахучие волны, различал в тембре голоса. На самом деле, бабушка его не боялась — так, стушевалась по неожиданности, а вот та, которая привыкла выставлять себя хозяйкой положения, испугалась. Зураб не хотел думать, почему, ему плевать, пусть боится своей нечистой совести. Люд-

мила издали протянула лист с расписанием и, стараясь громко и чётко выговаривать слова, объяснила ещё раз обязанности шофёра и охранника на сегодня — похоже, засомневались в его способности читать прописной текст на русском. Зураб коротко кивнул, не желая дольше задерживаться возле хозяйки в режущем его глаз и вкус наряде. Забрать мальчика со школы (Людмила: «Я предупрежу о новом шофёре»), привезти домой покушать, потом к шести — на тренировку, обратно — пока всё.

С Ярославом Зураб шустро нашёл взаимопонимание: тачка поразила и мальчика, и его одноклассников, по дороге он смотрел «Парк Юрского периода», так что обошлись без проблем.

После работы в клуб к Наркису не поехал, достали и выпивка, и девки, вернулся к себе, до полуночи просидел, анализируя плюсы и минусы финансовых вложений в различные сферы бизнеса. На данный момент с его возможностями наибольшую отдачу можно было ожидать в строительстве, туризме, цифровых технологиях. Чуть сомнительнее виделся гостиничный бизнес, нефтегазовые разработки и продажа автомобилей — до кое-чего он не дотягивал или мог столкнуться с интересом брата. А выбирать пора.

Жил Зураб скромно: однушка в жилом комплексе для людей со средним достатком. Ему хватало: любовниц к себе не водил, с уборкой и готовкой справлялся сам, капиталом не светил. А вот Наркис любил шикануть, Стаценко от зависти бы захлебнулся: особнячок раза в три побольше, росписи по потолку, картины в резных рамах, обнажённые амурчики на каждом углу, в саду пятнадцать беседок, три фонтана, а скульптуру никто не считал, сам весь в перстнях и золоте.

На следующий день Зураб в семь тридцать, допивая своё кофе из стаканчика, ожидал Инну Семёновну и Ярослава: бабушка собралась сдавать анализы, а мальчик спешил в школу. Они садились в салон, когда на пороге дома появилась девушка. В голове щёлкнуло — сестра Стаценко. Какая полярность! Спускалась по ступеням в замедленной для Зураба действительности: не в джинсах поголовной молодёжи, так претивших воспитанным на национальных традициях Халидаевым, в юбке по колено, с рюкзаком за спиной, двумя косицами пшеничного цвета, как у дочек отца Михаила, взгляд серых глаз глубокий, мягкий, добрый. Что с тобой, Зураб? Где твоё сердце?

Он выскочил из автомобиля, не успев проанализировать свой порыв, и мгновенно оказался рядом.

— Доброе утро. Меня зовут Зураб, я новый водитель. Вы Антонина?

Её не передёрнуло от вида хачика — чтобы он тогда делал? Более того, она смутилась, порозовела, опустила глаза. Сердце Зураба оказалось где-то высоко-высоко, там, где обычно амурчики играют розовыми стрелами и плетут свои сети.

— Бабушка предупредила, — Тоня посмотрела на Инну Семёновну за окном внедорожника и следом — на Зураба.

Гм, и поделилась наверняка подробностями, что он через пень-колоду лопочет по-русски.

— Да, Тоня. Здравствуйте.

Голос девушки смывком прошёлся по струнам души, наполнив до краёв непонятной пока радостью, словно ради этого момента прожил свои двадцать семь лет. «Моя будет. Умру, но добьюсь!» — обожгло пониманием.

— Я везу вашу бабушку и племянника, могу подбросить вас до института. — он не мог её отпустить.

— Спасибо, но только если я не помешаю. В смысле, что успеете всех развезти.

Она всё краснела и краснела, а вернувшееся сердце танцевало джигу. Помешает? Ха-ха-ха!

— Везде успеем, — Сидир Ати могла быть очень быстрой.

Посадил Тоню вперёд, позволил себе, слушая, куда везти, прощупать взглядом. «Если у неё кто-то есть, убью. Нет, сначала, конечно, предложу отвалить подобру-поздорову, а если не поймёт, убью»

— Музыку включить? — опять обратился к Тоне. — Вивальди, Дворжак, Паганини?

— А флейта есть? Очень нравится флейта.

Она улыбнулась, а Зураб сглотнул жар, как самый крепкий алкоголь, побежавший по венам и пьянящий счастьем.

— Есть, Антонина Игоревна, — почему-то захрипел.

— Я — Алексеевна, у нас с братом разные отцы.

— Не знал, теперь в курсе, — он включил Моцарта.

— Зу-у-раб, — позади раздался возмущённый голос Инны Семёновны, — ты меня обманул! Оказывается, кто-то весьма недурственно изъясняется по-русски!

— Э-ей, увязаямая бабуська, мне стыдно признаться, но в школьном аттестате у меня пятёрка по русскому языку, а учительница у нас была весьма строгая, — он закончил речь нормально, и все засмеялись.

— Ах, ты, шутник! — опять возмутилась Инна Семёновна. — Опера с твоим подвыванием тоже персонально для меня?

— Мечтал поразить вас в самое сердце! — и руку к груди приложил.

В салоне стало легко и весело, даже Ярик снял наушники, прислушиваясь к разговору. Чуть убыстрившись, Зураб развёз пассажиров по местам, завернул в кафе «Греча, еда и круасаны» позавтракать — любимое местечко с восточной кухней. На душе разливалось тепло и забытая радость, как в детстве, когда бегал к отцу Михаилу. Зураб тогда так и не крестился. Когда Наркис ушёл в армию, он уже почти не ходил в церковь, сосредоточился на учёбе, потому что это было интересно, и на знакомстве со всеми видами оружия, которое было у отца, Наркиса, знакомых, потому что надо было выживать. Держал в руках и Калаш, и ТТ, и Стечкина, и люгтер, всю коллекцию ножей от десяти до сорока сантиметров. В армии попал в десантники на три года и там принял крещение. Честь, совесть, долг — не пустые слова были для него тогда. И священник, сам бывший военный, смог найти нужные слова не для смерти, а для жизни, понять себя и окружающий мир, разжечь огонь веры и жажду сохранить истину. Почему он потерял всё, вернувшись на гражданку, почему ушёл в диаметрально противоположную сторону? Вроде носил крест на груди, благо Наркис сосредоточился совсем не на брате, но забыл о нём, влился в криминал. Порог храма не переступал, совесть не позволяла. Только, узнав о судьбе семьи отца Михаила, рассвирепел. Их порешили даже не фанатики, обыкновенные бандиты, опьянённые безнаказанностью, видимой вседозволенностью девяностых, жадой мифических церковных денег — всех, не пожалели девочек-подростков. Никто с села не заступился — понятно, трусили, но всё же... Зураб тогда словно с цепи сорвался: обуянный жадой крови, вернулся на родину, вычислил отморожков (Наркис, кстати, помог), подрезал каждого. Не думал, нужна ли месть невинно убиенным, но не смог иначе. Не смог по-христиански. Может, поэтому в церковь больше не ходил. Сейчас, на фоне счастья, понял, что решение завязать с криминалом правильное и своевременное: не уйдёт сейчас — увязнет окончательно, а после смерти будет хлебать и давиться чужими кровью, болью, страхом. Остро, честно понял: хотелось жить. Тоне в глаза смотреть, в сердце стучаться, взять её в жёны. Хотелось? Да! Значит, действовать. Хватит сомневаться, перекрестился — и вперёд: определился с вложениями, оформил документы, набрал команду, сделал первые шаги. Пока втихую, ведь если Наркис вызнает раньше времени, придёт в ярость, кислород перекроет, у него рычагов много. В будущем конфронтации не избежать, но можно подготовиться, у брата тоже есть слабые места, кому, как ни Зурабу, о них знать. Впервые он был близок к тому, чтобы дать отпор старшему брату и начать жить по совести.

О, лёгок на помине! Зураб вышел из кафе, достал кнопочный NOKIA.

— Салам алейкум, гардаш* (*брат). Неджасан* (*как дела)?

— Яхши* (*хорошо). Я на работе, Нар.

— Согласился, значит. Давно не виделись, забыл про меня? — голос у брата пропитался подозрительностью, аж скулы свело.

— Говори сразу, зачем звонишь.

— Не дерзи старшему. Во-первых, дада* (*отец) нас ждёт сабах ахшам* (*завтра вечером). О тебе пойдёт разговор. Во-вторых, сегодня ночью нужен.

Уходит счастье, рвётся из ноющего сердца. «Не уходи» — держит Зураб, прячет глубоко: «Будь со мной».

— Мне шоферить весь день, как я после бессонной ночи? — Пытается соскочить, но Наркис не покупается.

— Не скули, не первый раз. Жду в клубе как обычно, — отключился.

Хреново. Зураб пока не мог отказаться ни от того, ни от другого. Всё как-то подозрительно. И что нужно отцу? Умар и Халима перебрались в город вслед за сыновьями, купили сравнительно (с особняком Наркиса) скромный дом на окраине. Именно здесь жил теперь глава диаспоры утульцев, показательно неброско для мэра и администрации, криминала и силовиков. Но деньги, что шли через его руки и власть силы превосходили влияние Наркиса. Умару перечить было невозможно ни как отцу, ни как главе. Если вызвал, то кем-то или чем-то недоулен.

Въехав во двор, понял, что брат уже здесь, с женой. Какие бы отношения ни складывались у Наркиса с Мадиной, на официальные и семейные мероприятия они являлись как примерные супруги. Ужин прошёл в молчании. Подавали дограму* (*блюдо из баранины с тестом), ширин* (*сдоба), фирменные кутабы* (*лепёшки с начинкой) Халимы, слишком сытно для ужина, но Халидаевы любили поесть. После, промокнув рот широким полотенцем с национальным узором (подарок Мадины свёкру), Умар довольно кивнул головой, и Халима увела невестку на женскую половину. Мужчины остались одни. Принесли кальян.

— Наркис, ходят слухи, что ты не спишь с женой, — наконец, проговорил Умар.

Брат, мгновенно побагровев, выдал из себя:

— Не думал, что тебя волнуют наши внутрисемейные разногласия.

— Волнуют именно потому, что они внутрисемейные. Халидаевы не обижают жён. Муж может расслабиться на стороне, но только, если жена удовлетворена. Понятно?

— Бэли, — процедил сквозь зубы старший.

— Теперь Зураб. В двадцать семь лет неприлично Халидаеву оставаться одному, это расслабляет. У мужчины должна быть семья, он должен заботиться о близких. Я нашёл тебе невесту. Нашего круга, уважаемого утульца с финансовыми и деловыми возможностями. Зовут Хамад, и отец ищет жениха — девушка созрела. Ты давал другой женщине слово обручения?

— Нет... пока, — хрустящий лёд внутри, от счастья не осталось ничего, — но собирался.

— Я рад, что нет. Эта помолвка для тебя отличная перспектива влиться в законный бизнес, криминал не для тебя, — Умар бросил выверенные слова спокойно, но тяжёлым весом и нерушимым авторитетом.

— Дада, — Зураб, несмотря на приторную тошноту и сухость во рту, попробовал возразить, — давай отложим решение на пару месяцев, даже на три.

— Йох, я пригласил Азан-заде к нам через неделю. В следующие выходные будь готов.

— Дада, я люблю другую!

— Кого это и когда ты успел «полюбить»? — нехорошо прищурился брат.

— Мэни гээблэндирмэ* (*не зли меня), не перчь отцу! Чтоб через неделю был на смотре как послушный сын. Всё сказал.

Глава 2. Зураб звучит гордо

В воскресный день Зураб повёз Инну Семёновну с Тоней в церковь на службу.

Отношения у них сложились дружеские. Бабушка простила ему шуточки и теперь каждую поездку заваливала провокационными вопросами: «Что означает твоё имя?», «Как вашему будет: мама, папа, брат, бабушка?», «Свинину едите?», «Сколько жён иметь разрешается?» Получала от ответов Зураба одно ей понятное удовольствие, ведь на заковыристые вопросы он отвечал витиевато: «Моё имя как драгоценный камень, сверкает в воде, как огонь, сильно и мужественно, как божественная воля! Короли Грузии носили это имя с гордостью, в Древней Греции им называли лидеров, способных достигать поставленной цели, принимать судьбоносные решения!» Ярик в дороге утыкался в планшет или смотрел мультики, хотя первое время и позже периодически ощупывал, обнюхивал салон. А вот с Тоней Зурабу в свете последних семейных разборок пока приходилось сдерживаться, да и наедине они практически не оставались.

— Зураб, ты подождёшь в машине или возле храма? — Спросила Инна Семёновна.

— Зачем в машине? Зачем возле? Я с вами пойду, — «людей попугаю» — добавил про себя.

— Ой, Зураб, ты ж не знаешь... В православных церквях некрещеным только до литургии верных разрешено находиться, — взволновалась Инна Семёновна, а Тоня, чуть улыбаясь, глянула искоса.

— Боитесь, нерусь-нехристь храм осквернит?

— Зачем, — обиделась бабушка, — ты так; я говорю, как положено.

— Ай-ай-ай, а Антонина Алексеевна тоже считает, что мне нечего в православном храме ошиваться?

— По-моему, вы хитрите, Зураб, — Тоня пыталась удержать улыбку.

— Ох-ох, догадливая гадынь* (*женщина) попалась! Только Инна Семёновна ко мне на «ты» обращается — справедливо, замечу. Предлагаю и нам, Антонина Алексеевна, перейти на «ты», шесть лет разницы не такая уж огромная пропасть, и ко мне никто на «вы» не обращался до сих пор — не много ли чести для неруса и нехристя, не находите?

— Не нахожу, — Тоня сверкнула глазами, но сразу миролюбиво добавила. — Если бабушка разрешит, можно на «ты».

— Инна Семёновна, — Зураб напустил официальности в голос, — разрешите вашей внучке обращаться к шофёру на «ты»: «Зураб, ты...», а мне: «Тоня, ты...»?

Бабушка заворчала, но согласилась:

— Ведёшь себя как мальчишка, поэтому лет пять сбросим, какое уж тут «вы»?

— А насчёт нехристя не переживайте, я крещённый.

— Как? — хором изумились женщины. — Не шутишь?

— Крещённый и крест ношу, — он достал из-за ворота рубашки золотой крестик на суровой нитке и продемонстрировал пассажирам.

— Ты нас очередной раз шокировал, — восхитилась Инна Семёновна. — Но как? Семья верующая? Православная?

— Нет, — спрятал крест. — Они не в курсе, что я крестился.

Зураб помолчал и, так как женщины смотрели на него, явно в ожидании пояснений, добавил:

— В армии священник сумел убедить, да и в детстве... отец Михаил опекал, только тогда я трусил. — Усмехнулся. — Я рос трусливым салажонком.

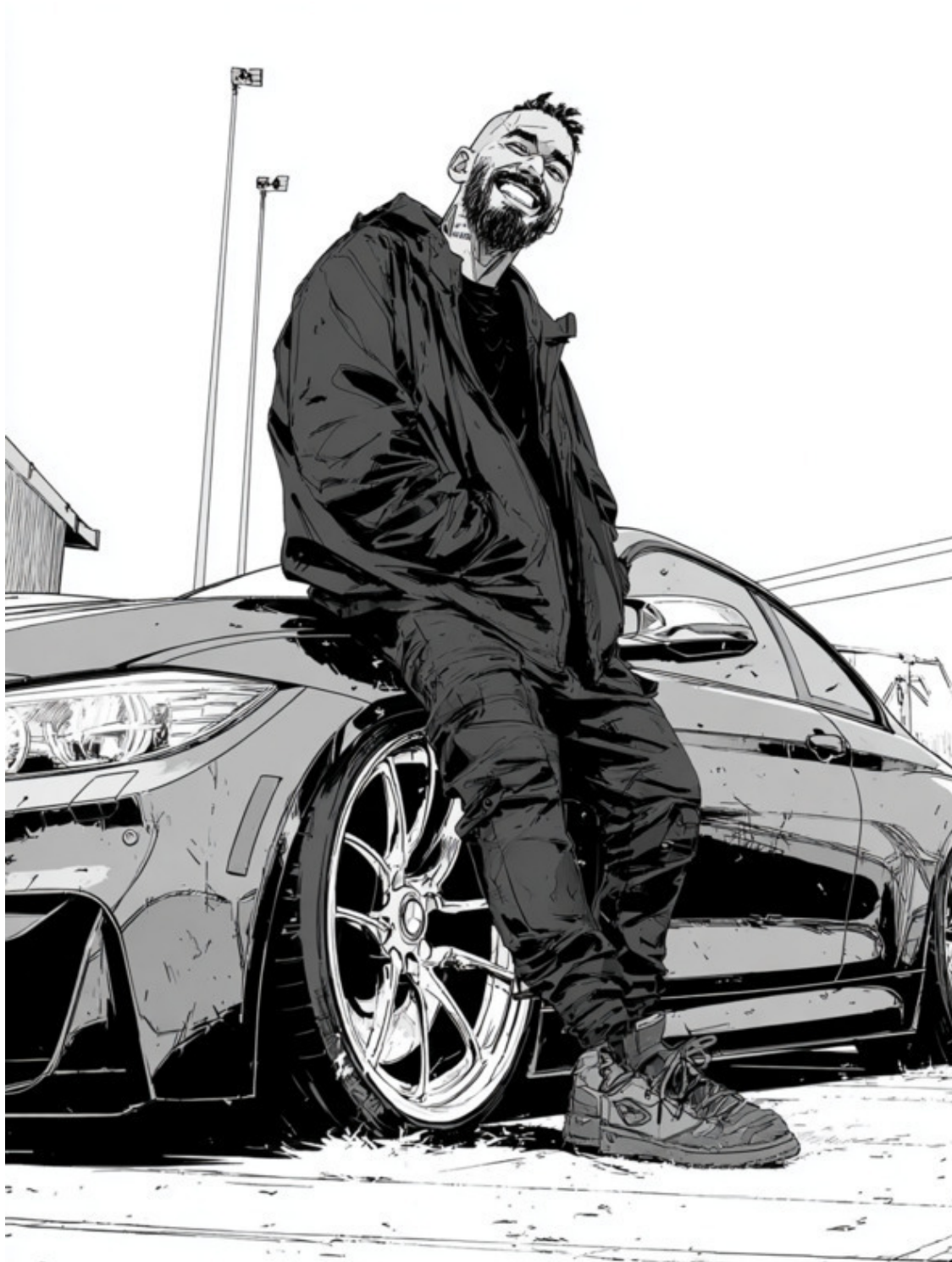
Он всё-таки смолк, сердце редко приоткрывал — да, что там, вовсе не приоткрывал, некому было. До парковки ехали в тишине, но перед выходом Тоня спросила:

— А вы, то есть ты, причащался?

— В армии — да, на гражданке — нет, — и, уловив её невысказанное «почему?», объяснил, — грехов много.

Девушка, отведя взгляд и озаботившись видимой помощью бабушке, выскочила наружу.

Выбирайте, какой Зураб вам нравится больше

Неделя пролетела быстро. Зураб старался отвозить Тоню в институт и, если позволял график, забирать. Инну Семёновну и Ярика охранял только в дороге, доводил до дверей (школы, поликлиники, стадиона) и у дверей же встречал. Стаценко, похоже, рисковал от большой дури, и если Наркис обещал его не трогать, только «попинать» немного, то другие заинтересованные в стабильном трафике люди миндальничать не собирались. Зураб несколько раз замечал слежку. Уходил, конечно, но не обманывался: либо его пассажиры не так важны, либо удар

впереди, слишком легко получалось. Больше всего волновался за Тоню, она могла стать первой. Мягко выведя Инну Семёновну на разговор о внучке, узнал, что родители умерли четыре года назад — сначала отец от сердечного приступа («Валера довёл, вложился в бизнес и прогорел» — поджав губы, объяснила бабушка), потом и мама сгорела от рака. Опекун оформили на брата, он же и распорядился оставшимися финансами. Тоня поступила учиться на дизайнера и много переживала за учёбу — студенческие будни давались ей непросто. Зураб быстро понял, что от волнения она начинала ковырять и грызть пальцы.

— Опять просмотр?

— Зачёт, обход и экзамен. Я провалюсь! — Панически втянула в рот большой палец левой руки.

— Дай мне ладошки, — Зураб повернулся лицом.

— Что? — явно не поняла.

— Не бойся, руки протяни.

Тоня показала свои ладони, а он перехватил их своими шершавыми, горячими. Холодные пальчики в домике согрелись и перестали дрожать. Тоненькие, нежные, пахли краской и лавандовым мылом.

— А теперь в глаза посмотри, — Зураб рисковал сдаться в плен прозрачным волнам глаз, но Тонино спокойствие сейчас было важнее всего, значит, он потерпит.

Она смотрела удивлённо и немного задумчиво; отпуская страх из сердца, затихла.

— Всё будет хорошо. Иди, — три минуты прошло, больше нельзя.

А в воскресный вечер у Халидаевых состоялись ужин и смотрины невесты. Хамад хороша: восточная девушка с оформившимися шикарными округлыми прелестями, украшенными красным архалыгом* (*кафтан с воротником), неназойливо, со вкусом. На предполагаемого жениха глаз не поднимала — она будет хорошей, верной, терпеливой женой. Если бы Зураб не встретил Тоню, то отнёсся к ситуации лояльно, ему, действительно, пора жениться. Теперь же смотрины напрягали, а брыкаться рано, на кону всего лишь его вшивая жизнь. Зураб хмурился, пытаясь абстрагироваться от происходящего — он обязательно найдёт выход. Сел в глубокое кресло, задумчиво потягивая вино из бокала. Его о чём-то спрашивали, он кивал, не вслушиваясь. Выиграть бы два-три месяца, уже арендован офис, документы в работе, штат набирается — действовать приходилось быстро, активно. В тайне от семьи. Риск. Адреналин.

Гости уехали. Близкие довольны, поздравили — невеста глянулась. Зураб сморщился, поспешил попрощаться. Это сватовство — для усыпления бдительности родителей и брата, дальше не зайдёт. Главное, теперь у него появилось время! Кажется, свадьбу наметили через три месяца — значит, это время — всё, что у него осталось.

Наркис-таки утянул в клуб, но Зурабу там стало тошно, и от конспирации, и от безделья. Часа полтора обсуждали дела, но как только появились профурсетки, Зураб ушёл, благо старший брат увлёкся новенькой и не настаивал на его присутствии.

Через месяц наступила зима. Чуть дыхнуло морозцем, попуржило снегом, успокоилось лёгкой наледью. Воздух зазвенел прохладой и свежестью. Карагач вдоль забора переплетёнными ветками графическим узором разукрасил периметр участка, а вишня, которую сажал ещё дедушка, чистым кармелитом* (*светло коричневый) выделилась визуальным акцентом. Тоня чувствовала себя словно на воздушной подушке: легко, радостно и зыбко. Зураб выстроил дружеские отношения с пассажирами, даже с такими сложными личностями, как бабушка и избалованный племянник, Тоня искренне восхищалась его коммуникабельностью и прочими достоинствами. Не столько внешней харизматичностью и гибким умом, как готовностью помочь, открытостью в общении и глубокой жаждой новых знаний. Например, как-то, увлёкшись, она долго рассказывала ему о трёхточечной и сферической перспективах, а потом о

гарнитуре шрифта, и Зураб внимательно слушал, потом задавал не глупые вопросы о засечках и сточке схода вертикальных линий, показав, что заинтересовался на самом деле. А ещё ей нравились его руки, лежащие на руле — когда она смотрела на них, непонятная дрожь с жаром просыпались внутри. И улыбка, раздвигающая тёмную щетину по сторонам, нравилась, и взгляд, глубокий, нежный, обещающий будущее. Что-то женское вокруг сердца подсказывало, что она ему тоже нравится, тогда Тоня совсем запутывалась.

Замечала ли бабушка, что между её внучкой и шофёром мелькают романтические флюиды? Могла бы заметить, ведь если Зураб не краснел и не глотал слова, то Тоня, не имея опыта сокрытия истинных чувств, постоянно смущалась, заливалась румянцем, доверчиво со всем соглашалась. Но баба Инна видела только то, что хотела видеть: робость внучки как черту характера, заботливость шофёра как его постоянную галантность. Это хорошо, потому что если бы бабушка спросила о чувствах, Тоня испугалась.

Привыкнув к заботе Зураба по развозке, каждый день ловила зовущий гудок Лошадки. Она знала, что Валера не рассчитывал на то, что её доставят хоть раз в институт, она и не настаивала, но Зураб успевал с утра забросить Ярослава в школу, бабушку Инну в церковь или поликлинику, а потом её на лекции. После учёбы заставлял (почему она слушалась?) звонить, подхватывал и вёл в кафе со смешным названием про круассаны и еду. Не давал возразить ни слова: «Я ведь с семи утра на колёсах, жутко проголодался! И ты за компанию покушай, голова лучше соображать начнёт» Не избалованная мужским вниманием, Тоня ждала с нетерпением недолгих минут общения, тёплого поглаживания взглядом, уверенного голоса, крепкого ободрения руки. Один раз, перед тем, как выпустить Тоню из машины, Зураб попросил:

— Можно, я... потрогаю твои волосы? Я... осторожно...

Она, млея от нового ощущения, разрешила, и Зураб почти невесомо провёл рукой по всей длине собранных в хвостик волос. Прикрыв глаза, шумно вздохнул.

— Иди, пожалуйста, — хрипло выдал.

Тоня мгновенно выскочила с колотящимся сердцем, с мелко подрагивающими пальцами, а после весь учебный день ощущала ладонь мужчины на своей голове. Невинное, казалось бы, движение руки мнилось верхом интимности, равным признанию в любви. Выходит, ей не показалось, не только он, но и она нравится ему. Невыносимо хотелось прижаться к его груди, обхватить руками и слушать, как бьётся сердце этого мужчины. Тогда, возможно, она поймёт его — если, правда, не посмотрит в глаза, потому что когда в глаза, то уже ничего не понимала, и понимать не желала, только бы рядом, только бы на всю жизнь.

Снова воскресный день, чуть пасмурно, сыро. Оттепель. После службы Зураб посадил женщин назад (когда с ними ехал Ярик, Тоня перебиралась вперёд), покинул парковку и, перебрасываясь с пассажирками шутками, вырулил на дорогу. Через несколько минут Тоня, подглядывающая за водителем, заметила, что тот напрягся, нахмурил брови и следом чуть слышно выругался на своём языке, всматриваясь в зеркало заднего вида.

— Что случилось, Зураб? — взволнованно спросила.

— Вы пристёгнуты? — сквозь привычную теплоту тембра прорвалась непривычная жёсткость.

— Да, — она испугалась.

— Держи бабушку за руку, лучше — обними. Вожмитесь в кресло и молитесь.

Тоня одной рукой обняла бабу Инну, другой схватила её ладонь. Лошадка вильнула, резко ушла вправо между домов по дворам. Голова закружилась, пришлось втянуть её в шею, иначе отрывало. Они испуганно зажмурились, тараторя: «Господи, помилуй!» Зураб включил громкую связь, после пары гудков послышался мужской голос с акцентом:

— Зура, ты вспомнил, что у тебя есть брат?... Зура? Что случилось? Не молчи!!!

— Нар, я в жопе.

Тоня замерла. Раз их защитник ругается, дело худо, он никогда не позволял себе при дамах выражаться.

— Где? — голос на другом конце заморозился.

— По Пушкинской мчусь. Следом — два гроба и бронник, возможен перехват, — голос у Зураба стал сухим, фразы отрывистыми.

— Стрельба?

— Пока нет.

— Куда?

— Попробую на старые склады.

— Уже выезжаю, буду через полчаса, продержись, у тебя ж Сидир Ати. Кто с тобой? — слышались шаги и движение.

— Бабушка и Тоня.

Пошли гудки.

— Зураб! — Тоня попробовала сдержать дрожь в своём голосе. — Давай остановимся? Высадишь нас, Валера заплатит, сколько нужно.

Бабушка, не в силах произнести ни слова, согласно кивала головой. Зураб, сосредоточенный на повороте, ответил не сразу:

— Ошибаешься. Им не нужны деньги, им нужны ваши жизни. Наши жизни...

Она зажмурила глаза — страшно было смотреть, как мелькали мимо дома, машины, люди, потом распахнула: чёрный внедорожник возник справа и чиркнул по боку. Вот тебе и конец двадцатого века, вот тебе не гангстерская Италия!

Бабушка плакала, Тоня кричала молитвы вслух. Лошадка выскочила на кольцевую, слева наперерез рванула ещё одна чёрная махина. Кажется, они завалились на бок, так вжало в дверцу, но вывернулись. Уйдя от удара, Зураб выскочил на какую-то совершенно разбитую дорогу, и их затрясло. Бабушку вытошнило прямо на кожаную обивку, но Тоня ничем не могла сейчас помочь, она даже молиться уже не могла, все слова выпрыгнули из памяти, осталось: «Д-д-д-д».

Зураб превратился в один пылающий нерв, Тоня ясно увидела, что лишь от него зависело, в каком виде они с бабушкой когда-либо лягут в гроб.

Мчались уже на окраине города среди производственных зданий и складов, но их шофёр нырял в каждую петлю, словно местный, а они сидели, зажмурившись, прижавшись друг к другу и поскуливая. Словно щенки без матери.

— Тоня... слышишь? — в её гудящую, отупевшую от тряски голову дошло.

— Да...

— Отстёгивайтесь. Я тормозну. Разблокирую двери, — отрывистые, рубленые фразы. — Слева. Выталкиваешь бабушку. Потом сама. Быстро. За угол до сваленных ящиков. На всё не больше двух минут. Ждёте там. Прячетесь от всех. Пойдёте только с Наркисом. Моим братом. Вперёд!

Лошадка дёрнулась. Щелчок. Тоня, взяв себя в руки, выпихнула еле стоящую на ногах бабу Инну, поволокла её за угол и оглянулась, не совладав с тревогой. Замерла подобно Лотовой жене соляным столпом* (*в Библии жена Лота оглянулась из любопытства на горящие Содом и Гоморру и превратилась в соляной столп). Зураб развернул машину в лоб подъехавшим трём чёрным БМВ-шкам и, не тормозя, рванул на них. Открыв от ужаса рот, Тоня смотрела, как навороченная Лошадка врзалась на скорости в груды металла, взлетела над её воплем и, перевернувшись, рухнула на автомобили, превращая катастрофу в дым и пламя.

— Что там, Тонечка? — дёрнула за рукав бабушка Инна, пытаясь обернуться, но она, отмерев или нет, потянула за угол.

Посадила дрожащую старушку на перевёрнутый ящик в тёмном углу. Та шептала:

— Что ж это такое, Тонечка, что такое?

— Тише, тише, баба, нас могут услышать и найти.

Они замолчали, неровно дыша. Мимо пару раз пробежали какие-то люди, но никто не кричал: «Инна Семёновна, Антонина!», поэтому они так и сидели с бьющимися нервно сердцами. Может, полчаса, может, час, может, десять минут.

Наконец, послышались тяжёлые неспешные шаги совсем рядом, у ящиков. Тонина интуиция облегчённо просигналила — за ними. Коренастая мужская фигура выросла напротив. Кавказец средних лет мрачно оглядел жертвы, знакомым по разговору в машине голосом с акцентом тяжело бросил:

— Наркис, брат Зураба. Идите за мной.

Они пошли, потому что так велел Зураб. Ноги уже не дрожали, хотя бабушка цеплялась за Тоню ледяными пальцами и цепенела всем телом. Наркис выглядел агрессивно, и если бы не предупреждение Зураба, Тоня ни за что бы ему не доверилась. Они прошли не мимо аварии, в другую сторону, где на перекрёстке двух невыносимо вонючих переулков стоял очередной чёрный седан. Молча забрались на заднее сидение. Наркис тоже молча сел рядом с водителем, но потом достал трубку и долго по-своему ругался с собеседником. От его злых интонаций бабушка вздрагивала, а Тоня успокаивалась: не верилось, что у обладателя объёмных бицепсов, мощной шеи, выразительного носа и грозного голоса не получится их защитить и расправиться с напавшими. А ещё... если бы Зураб не выжил, его брат вёл бы себя по-другому — не понятно, как, но по-другому.

Когда отключил связь, шофёр тоже не по-русски спросил, видимо, куда ехать, потому что Наркис назвал их адрес, это Тоня поняла. И опять звонил, но теперь разговаривал понятно:

— Что? Поскорей... за любые деньги... Кровь будет. Будет, сказал. Сам сдам, не надо заморозку, подъеду через полчаса.

— Что с Зурабом? — неожиданно звонко спросила Тоня.

Наркис удивлённо оглянулся, хмыкнул, ругнувшись по своему — Тоня как-то понимала, что он ругается, интонации лезли, словно плюётся. «А я бы всё равно бы тебя нарисовала» — подумала, незаметно показав язык.

— Он жив? — повторила требовательно.

— Пока жив, — ответил сухо. — Кровь нужна.

Они остановились у ворот, Наркис вылез, открыл дверь, помог выбраться.

— Баба Инна пойдёт домой, а я с вами в больницу, — Тоня, перекрестив и чмокнув бабушку в щёку, нырнула обратно на заднее сидение.

В салоне густо пахло кожей, табаком и слегка мужским потом. «А у Зураба в машине чище, пахнет лучше и много всяких панелей. Было...» — мелькнула мысль. Она настроилась решительно: Наркису не удастся её прогнать. Но тот, хоть и скривившись, но без возражений уселся и тут же достал телефон. В этот раз разговаривал почтительно, мешая русскую и национальную речь:

— Салам алейкум, ата* (*папа), — дальше по-своему с виноватыми нотами и проскальзывающим «Зураб». — В больнице. Еду. Всё сделаю. — И опять по-своему. — Ожоги, нога сломана, рёбра, есть огнестрел, потеря крови... Перезвоню.

Добрались. Наркис выскочил, Тоня за ним, позади охранник. Их пропустили через отдельный вход, выдали халаты, бахилы — и на третий этаж. Там Наркиса подхватил доктор:

— Быстро, время!

А Тоня осталась в коридоре. Никто не выгнал, но и не объяснил ничего. Села на кушетку, достала дорожный молитвослов и стала читать шёпотом всё подряд — это лучшее, на что сейчас она способна. Когда дочитала до корки, вернулся Наркис, бледный, с перевязанной рукой, сел рядом.

— Не ушла? — усмехнулся то ли удивлённо, то ли обречённо.

— Нет. Наркис, он выживет?

— Обязан. С меня столько крови выкачали, пусть только попробует сдохнуть, из могилы выкопаю и по шеям наkostenяю, а ещё братца твоего вонючего своими руками задушу. Медленно, чтоб подольше мучился...

— Разве Валера виноват?

Наркис, устало покачав головой, прислонился к стене.

— Э-э-э, до чего ж у баб мозги куриные... Валера влез туда, куда ему вежливо не советовали лезть. Первый раз вежливо, потом кислород перекрыли маленько, но он ведь деньги понюхал, крышу и унесло. Полноценную охрану близких зажал. Ваша с нене смерть всего лишь шаг давления, потом пойдут в расход жена и сын — серьёзней не бывает, дЭвушка Тоня...

Она молчала, не зная, что сказать, а Наркис продолжил:

— Вы остались живы только благодаря братишке, ну, и Сидир Ати не подвела, не зря Зура на мобилу лимон угрохал... Теперь бы его самого с того света вытащить...

— Чем я могу помочь? — спросила тихо.

Наркис фыркнул:

— Э-э-э, чем мо Э-э-э, чем может помочь русская баба? Ничем. Молись своим богам.

Тоня обрадовалась совету:

— Правильно! Батюшку приглашу, он молебен отслужит. Нас пустят? Договорись, Наркис!

— Какой такой молебен, куриные твои мозги? Он тебе что, христианин?

— Да! Серьёзно, — Тоня сглотнула, уставившись на собеседника с уверенностью державшегося за соломинку человека взглядом. — Мозги не при чём, у Зураба крест на шее. В армии крестился, сам рассказывал.

— Вот шайтан! Мало в детстве я в него вколачивал! — кажется, искренне расстроился, но Тоня не дала ему задуматься.

— Так договоришься?

Он проворчал что-то про гардаша и ахмаха.

— Яхши, приводи, я на всех богов сейчас согласен, только бы выжил Зураб, у меня родней никого нет, — неожиданно прохрипел тоскливо.

— Вы не очень похожи.

— Тем не менее, единокровные, роднее не бывает, Халидаевы. Это у вас, русских, принято рожать от разных мужчин, а у нас всё строго. Просто, он в мамину родню, а я в отцовскую, — последние слова говорил уже тихо, прикрывая глаза.

— Наркис! — Тоня звонко вскрикнула, заставив собеседника повернуть к ней голову и открыть глаза. — Тебе ведь покушать надо. Чтобы силы восстановить после забора крови.

— Яхши, — вздохнул, — сейчас охране дам задание.

По телефону что-то объяснил на своём языке, следом прошептал:

— Вздремну, голова кружится, — и тут же отключился.

Но Тоня растолкала его, лишь охранник принёс пакеты с едой, всё равно Наркис спал тревожно, дёргался, шумно дышал. «Лучше пусть поест» — подумала и стала трясти Халидаева.

— Что?! — он подскочил и несколько секунд с выпученными глазами таращился на Тоню.

— Что-что, ешь давай, — кивнула на упаковки с логотипом ресторана с восточными загогулинами.

«Дошло, как до жирафа» — проворчала про себя, наблюдая просвет разума в глазах мужчины.

— Никто ещё не смел меня так будить, — буркнул Халидаев, но пластиковый контейнер открыл. — Я и на тебя заказал, тоже ведь голодная. Откуда ехали?

— Из церкви.

— Вот и лопай, нуш олсун* (*приятного аппетита), православная дЭвушка Тоня.

Она улыбнулась. Несмотря на непохожесть братьев, второй ей тоже нравился. Грозный Наркис любил Зураба, и она любила — значит, они друзья.

— Расскажи про брата, — попросила, проглотив кусочек курицы.

— ДЭвушка Тоня, я смотрю, ты дЭвушка хорошая, хоть и сестра Валеры, в церковь ходишь, о голодном мужчине заботишься. Поэтому не обижайся, дам совет от всей души. Тебе от Зураба бежать надо, как от огня. Мы другие. Менталитет другой, вера другая — не перебивай — всё другое. Деньги зарабатываем с риском для жизни, если сечёшь. Для меня русские девки хороши лишь в утехах. Честно говорю, потому что ты мне нравишься как человек. Зураб, правда, не такой говнюк, про любовь бухтит, но по сути и он беле де* (*так себе). Невеста у него из наших, свадьба скоро. Хоть и не любя ему, а женится, я же женился. Не пойдёт Зураб против клана. Опять же, бизнес семьи не для законопослушных граждан, а ты законопослушная, такой и оставайся.

Из операционного блока появился доктор.

— Что? — одновременно подскочили Наркис и Тоня.

— Сделали всё возможное. Пока пациент в искусственной коме. Сегодня езжайте домой, — доктор явно устал.

— Если что нужно... — начал Наркис.

— Пока — ничего, мы и так... постарались.

— Спасибо, доктор, — тепло отозвалась Тоня и, едва врач скрылся, развернулась к Халидаеву.

— Вот что. Мне плевать на то, как ты относишься к русским девушкам, но сейчас мы обменяемся номерами телефонов, и ты позвонишь при новостях о состоянии Зураба, а я позвоню, если меня не пустят в палату, и тогда ты приложишь все усилия, дабы подобные инциденты не возникали!

То, каким тоном, с какой решительностью и горячностью она высказалась прямо в лицо, ничуть не смущаясь, не робея и не кокетничая, подвергло Халидаева в ступор. Вероятно, женщины с ним так не разговаривали, ни свои, ни посторонние. Но сейчас Тоня чувствовала в себе такую силу и злость, что готова была трясти Наркиса за грудки и пробиваться с боем в палату.

— Шмакодявка гадын мне смеет указывать? — Пыхнул устрашающе, но наткнувшись на сощуренные глаза и сжатый рот, усмехнулся. — Понятно теперь, о ком Зура пел семье. Вот ты какая, русская Тоня, укравшее сердце брата...

И он проглотил её командный тон, продиктовал свой номер телефона, записал Тонин и даже отвёз на машине обратно.

Дома Тоню ждал Валера, перепуганный до трясучки. Он всё расспрашивал и расспрашивал о случившемся, то нависая над ней, усевшейся в кресло, то бегая из угла в угол, то швыряя в стену скомканную бумагу и мышку от компьютера, то глотая из очередной банки своё пиво. Гораздо позже, смертельно уставшая, заглянула к бабушке и нашла ту спящей в пропахшей валерьяной комнате.

Глава 3. Милая рядом

Зураб выкарабкался, потому что хотел жить. Наркис поставил возле палаты охрану, пускали только его, родителей и Тоню. Родители про Тоню не знали, они навестили Зураба всего один раз, но он ежедневно отчитывался маме по телефону: где болит, вежливый ли доктор и достаточно ли ароматен куриный бульон. А вот брат и любимая девушка созванивались, договаривались, кто в какой день придёт, что принесёт. Наркис даже расщедрился организовать Тоне машину до больницы и домой, из чего Зураб сделал вывод, что она положительно влияет на его сурового братца. Стаценко после покушения затаился, слил почти весь трафик; оставил себе телохранителя, бабушке велел сидеть пока дома, а жене возить сына самой.

Сейчас Зураб светился, улыбаясь Тоне, а она розовела, разглядывая то свои руки, то деревянный круг со следами-рисочками от ножа на стене. Тоня рассказывала об Инне Семёновне, о её восхищении талантами «суперского» шофёра. На Зурабе раны заживали моментально — доктор удивлялся — а ему не терпелось вырваться прочь из больничных стен. Два ножа и круг на стене — вся жизнь, когда любимая и брат не рядом.

— Чему ты улыбаешься, Зураб? — подняв глаза, спросила Тоня.

— Самое голубое небо — над горными вершинами Кавказа. Там по легенде Кепяс и Ахсу* (*легенды Кавказа) любили друг друга и подарили человеку бирюзовые озёра, богатое море, бурливый лёд водопадов, ковровые луга и колышущуюся степь, сады с виноградом и гранатовыми деревьями, искристые снежные вершины и зелень леса; гуляют по степи джейраны, небо пересекают грифы, стрепеты, дрофа и турач, на море зимуют лебеди, казарки и фламинго...

Мечты Зураба

— Ты хочешь там жить?

— Жить придётся здесь. Там война, и всё очень сложно. Но мечтаю взять девушку Тоню и показать ей красоту природы родного края, где родился и вырос.

Тоня смотрела в глаза открыто, честно, доверчиво, её взгляд для него — старт в новое будущее, ради этого взгляда он ломал стереотипы своей холостой бандитской жизни и семейных установок рода.

Она вздохнула:

— Мне пора. Завтра просмотр, буду всю ночь готовиться.

— Дай ладошку, — Зураб нежно погладил каждый из десяти пальчиков, потом, прикрыв глаза, поцеловал их в обратном порядке. — Пойдём, провожу.

Зазвонил мобильник.

— Да, Наркис. Какие гости? Я провожаю Тоню, — и, отключившись, пожал плечами. — Каких-то гостей привёз, кого и зачем, не понял.

Они вышли из палаты в сторону лифта. Зураб ещё хромал, нога сильно болела, ожоги и перелом заживали дольше огнестрела. Показались идущие навстречу Наркис и Хамад. Томный взгляд карих глаз скользнул сперва по Зурабу, потом упёрся в девушку рядом. Растерявшись, споткнулся и затормозил, но Тонину ладошку сжал крепче. Гостыя перевела взгляд обратно на Зураба, и тут же скромно погасила интерес ресницами. Что-то тянущее и гнетущее расплзлось вокруг.

— Здравствуйте, — решила первой проявить вежливость Тоня.

Наркис хмыкнул, а Зураб мысленно достал нож и отрезал ему ухо.

— Здиравствуй... те. Вот, братик, невесту привёз, очень уж просилась навестить жениха. Видишь, Хамад, твой жених жив, почти здоров. Как выйдет из больницы, так свадьбу и сыграем.

Тоня, кажется, к полу приросла, скукожилась вся, руку выдернуть попыталась, но он не дал. Только брата негативом волнами окатил, да в мыслях приступил второе ухо пилить. Но тому хоть бы хны, усы раздвинул и оскалился, как волк на щенка.

— Зачем явилась, Хамад? Я не звал тебя. — С Наркисом он разберётся позже.

— Зурабушка, — лаской зажурчала фиктивная невеста, не глядя в глаза — со времени помолвки почти два месяца минуло, а ты молчишь, ни приезжаешь, ни звонишь. До свадьбы чуть-чуть осталось, а мы так и не обсудили, где праздновать будем, с точной датой не определились. Родители волнуются. Умар-ата велел к тебе отправляться, обсудить детали, Наркис милостиво согласился подвезти.

И ведь нарочно по-русски щебетала, чтобы Тоня поняла.

— Я пойду, — выдохнула, наконец, его любимая девушка.

— Наркис, отвези, пожалуйста, Тоню домой, — сдерживаясь, попросил Зураб.

Старший брат усмехнулся и услужливо кивнул в сторону лифта. Зураб проводил их глазами и вернулся в палату, забрал телефон и вызвал такси. Охранник молча проследил, но не возразил. Только попробовал бы!

Зураб бросил Хамад:

— Поехали.

И она побежала следом, рассчитывая, что жених повезёт в свадебный салон или ресторан договариваться о дате и сопутствующих услугах. Она обрадовалась: прямо из больницы сорвался. Как удачно приехала!

Но Хамад обманулась, Халидаев повёз её в офис к отцу. Что ж, тоже прелестно, пусть обсудят с Азан-заде выкуп, затраты. Ата даёт за дочью немалое приданое, а ей самой уж очень зудело замуж. Сватался Абид, старший сын Габзыдалиева, но Хамад раскапризничалась: ей нравился младший Халидаев. Он такой высокий, стройный, глаза с поволокой, смотрел — ноги подгибались, в грудях жарко и тесно, что там руки — ноги готова была ему целовать! Всё бы от него стерпела!

У Азан-заде легальный бизнес, Халидаевы должны понимать, женитьба на Хамад для них выгодна: Зураб уйдёт из криминала, пристроится на сытый хлеб к тестю. Выгодно и перспективно, ведь дочь у Азан-заде одна, иных наследников нет.

— Салам алейкум, уважаемый.

— Алейкум салам, дорогой.

Ата пригласил будущего родственника в кабинет. Хамад осталась ждать, изнывая от нетерпения, на диване у секретаря. Мужчины говорили долго, Хамад успела выбрать по интернету салон для новобрачных и прицениться к расшитому золотом платью. Она зависла над выбором чадры* (*лёгкое покрывало на голову), когда Халидаев вышел из кабинета. Хамад вскочила, Зураб остановился напротив, помолчал секунду, потом произнёс странную фразу:

— Прости, Хамад, за обман, за несбывшиеся надежды, — и стремительно вышел.

Следом появился Азан-заде и вздохнул:

— Придётся-таки брать в мужья Абида Газыдалиева...

В больницу Зураб не вернулся, направился домой. Наркису отослал сообщение, чтобы уладил с выпиской, и сразу отключил телефон — ему нужно подумать. Первый шаг он сделал. Хм, и лишился приличной суммы откупных. Скорей всего, теперь от семьи помощи не дожидаться, теперь он изгой, нарушивший волю отца. Хорошо, не задел интересы клана, хоть не убьют. Что ж, рано или поздно, но он бы откололся всё равно, его отчаянная любовь лишь ускорила процесс.

Телефон включил утром после здорового крепкого сна на своей кровати в своих четырёх стенах. Хм, куча пропущенных вызовов от отца и брата. Наркис обойдётся, и так подставил Зураба перед Тоней. Зураб рассчитывал разобраться с фиктивной невестой, не шокируя любимую девушку. А отцу позвонить следовало.

— Салам алейкум, дада. Ты меня искал?

— Искал... Приезжай, наметилась тема для обсуждения.

— Яхши, бу кун ахшам* (*сегодня вечером), часов в шесть.

Зураб прошёл на кухню, почесал затылок. Вчера заснул праведным сном младенца, не поев — от выплеснутого адреналина аппетит исчез, но сейчас: «Жрать хочу, а жрать нечего!» Доставку он, как все утульцы, не любил, не доверял еде со стороны. Диаспора кушала дома или в двух семейных кафе-ресторанах: «Нуш олсун» и «Греча, еда и круассаны», оттуда и в больницу для него горячее доставляли. Любой из мужчин утульцев превосходно готовил мясо: плов, шашлык, чахохбили* (*курица с луком и морковью), хашламу* (*баранина с овощами). Умар, Наркис и Зураб при желании могли бы устроить соревнование со ставками: «Пожалуй, Умар бы всё-таки выиграл, его плов на открытом огне неподражаем» — подумал Зураб. Сейчас возиться с мясом некогда, хоть в холодильнике и дожидался умелых рук ломоть баранины прямо с гор. Засыпав крупу в кастрюлю, взглянул на телефон. Пожалуй, Наркис в гневе. Будет бить? Зураб мог ответить, несмотря на то, что ещё был слаб и чтит право старшего в роду. Раздался звонок в дверь. Лёгко на помине. Поздоровались. Наркис багровый, желваки ходили, но сдерживался:

— Ты не отвечаешь на звонки.

— Вчера устал очень, заснул, телефон выключил, чтобы не мешал, — надоело бояться.

— Какого х... сбежал из больницы?

— Какого х... припёрся с Хамад?

— Отец велел.

Зураб поморщился, агрессия вчерашнего дня испарилась, но прощать брата он не собирался:

— Мог предупредить. Тоне ни к чему наши внутрисемейные разборки.

— А мне почудилось, — Наркис, не перегорев, нарывался на ссору, — что ты собрался вводить русскую в семью.

— Значит, специально подставил меня, — Зураб ощерился волком.

— Зура, ты что, влюбился?

— Представь себе.

Наркис нахмурился, как всегда, когда не мог решить проблему и искал обходные пути:

— Не могу. Халидаевы не влюбляются — ты ж в курсе, у нас из поколения в поколение браки договорные. Хрень какая. Надо было тебя раньше женить, ходил бы как шёлковый сей-час.

— Халидаевы раньше двадцати пяти не женятся, ты же в курсе, — передразнил брата. — Кашу хочешь?

— Что?!

— Кашу сварил, говорю. Кукурузную. С сыром... Я уйду из криминала, Нар.

— Надеешься, твоя Тоня оценит? Зураб, опомнись, пока не поздно, она же славянка! Ничего по-нашему не сечёт, уведёт тебя из семьи, из клана! — теперь озверел Наркис.

— Из криминала всё равно уйду.

— Б..., да славянки все сучки!!

Зураб резко схватил брата за грудки, неожиданно даже для себя ощутив внутри силу, за которой стоит правда и с которой море по колено:

— Если думаешь проверить, насколько я серьёзно настроен, предупреждаю: в первый раз, почитая кровные узы, прощаю, но далее, имей в виду, стану биться. Я женюсь на русской, любой выпад против её рода восприму как личное оскорбление.

Наркис, отшатнувшись, выругался:

— Ахмах, мало я лупил тебя в детстве.

— Лупил достаточно, если бы меня одолевали сомнения, ты бы их выбил, но у меня нет сомнений. Наркис, всё дело в тебе: либо ты отпускаешь меня из бизнеса с миром, и тогда мы остаёмся в братских отношениях, либо наши пути разойдутся окончательно.

— Уже сватался?

— Нет, ты прекрасно понимаешь, почему: я только вчера расторг помолвку с Хамад, и перед законом не чист.

— Э-э, чистых перед законом нет вообще, даже твоя Тоня могла бы донести на брата, а не сделала этого, — опять ухмылялся, но зло, словно обдумывая идею. — Чем займёшься?

Зураб помолчал. С Наркиса станется прогнуть его, возьмёт в оборот Тоню угрозой жизни или тюрьмы, и он согласится на всё, рабом станет, землю сожрёт. Только нужен ли Наркису раб: рабов много, а брат один.

— Сперва с отцом обсужу, — выдавил из себя, — ты узнаешь после.

— Уверен, что раша скользнёт тебе в объятия? — Зло, очень зло. — Ты для неё черно-мазый хачик, а если узнает, что бандит и убийца, ничего тебе, кроме презрения, не перепадёт, даже с учётом, что жизнь спас. Поторопился ты, братик, помолвку расторгать.

— Это. Не. Твоё. Дело.

— Пока моё, ты ещё в клане. Я подумаю, что с тобой делать. Как раз до свадьбы и подумаю. Наказать? Спасать?

Зураб не понимал, блефует Наркис, или серьёзно. А тот, успокоившись, заглянул в кастрюлю:

— Э-э, мяса нет, зерном питаешься?

— Вкусно, ты попробуй.

— «Ты попробуй. Очень вкусно, Точно лист жуёшь капустный» * (*С. Маршак «Кошкин дом») — передразнил Наркис. — Поехали, гардаш, в ресторан или в мой клуб, накормлю, как полагается.

— Йох, работать нужно, вечером встреча с отцом.

— Похоже, он в курсе твоих закидонов. Саг олун* (*до свидания).

Расстались спокойно, не на взводе. Проводив брата, Зураб связался с адвокатом, потом подписывал документы. Сам Бог помог ему разрешить сомнения по выбору бизнеса. Купил за гроши убыточную строительно-реставрационную фирму, полгода назад скрытно от семьи провёл аудит и получил заключение, что дело можно спасти. Вот и спасал через подставных лиц, только бы ни Наркис, ни Умар не пронюхали. Теперь он официально владелец. Чуть раньше работы на Стаценко связался с криптой, мечтал о подушке безопасности, рискнул потому, что брат в эту нишу не полез, мозгов не хватило, это не ножичками махать. Впрочем, ему тоже не хватило, видно, застрял на нулевом балансе. Если Зураб позволит себе потратиться на дом для семьи и новую машину, то останется на бобах.

Позвонил Тоне. Боялся, что после вчерашней сцены в больнице не захочет с ним разговаривать, внесёт в чёрный список, но она ответила. Попросил о встрече, соскучился невероятно, и разговор назрел. Тоня согласилась встретиться после института. Зураб заехал к ювелиру, не семейному, со стороны, купил кольцо с сапфиром. Подумал, и колье ещё добавил, пусть привыкает к украшениям.

— Зураб, тебя выписали? — Тоня стояла перед ним в клетчатом утеплённом жакете и юбке чуть выше колен.

Ровненькие ножки с умопомрачительными коленками существовали, наверно, для того, чтобы лишить его покоя, а бледную, светлую кожу без видимого волосочка на руках целовать долго и нежно, вот пряс начать от пальчиков — и выше, выше. «Много мне детей родит, мальчиков и девочек» — пронеслось в голове предвкушением.

— Выписали, — голос сел. — Прогуляемся?

— Давай, — не стала ломаться. — Обезболивающее пьёшь?

— Нет, никогда не пил и не собираюсь.

— Но ведь больно! — кажется, вздрогнула.

— Я не девка, чтобы боли бояться, — прищурился.

— А я боюсь, — Тоня округлила глаза, невольно напомнив Зурабу девочек отца Михаила, которые такими же глазами смотрели на него, показывающего им фокусы с парными кинжалами.

— И это правильно, не имея страха, можно глупостей нагородить.

— Зураб, ты такой умный — смешная, мелочами восхищалась.

Улыбнулся на всю катушку:

— Я не умный, я способный. Так говорила моя учительница, матушка отца Михаила.

— Правильно. Дай бог ей здоровья.

— Упокой её душу, душу отца Михаила и деток их, — перестал улыбаться.

— Что случилось... с ними?

— Бандиты всю семью перерезали. А потом я этих бандитов перерезал... Я ведь убийца, Тоня, много убивал, по приказу и из-за мести. — Зурабу вдруг стало трудно дышать.

Клан держался на строгой, даже жестокой дисциплине. Иначе не выстоять, иначе бы развалили, растоптали, задушили. Наверно, так правильно, но Зураб не смог подчиняться тому, кто убивает больше и спокойнее. У его выстраданной веры выросли небольшие крылышки, он смог вылететь из гнезда, но ещё не в силах парить под облаками. Вновь трусил — какой же он трус! — но появилось нечто свыше: жажда чистой совести и подруги по духу и физическому влечению рядом.

— Наркис предупреждал, — Тонин голос дрогнул, зазвенел жалобно.

— Вся моя жизнь завязана на криминале, семейный бизнес, так сказать. Но если для отца и брата подобный образ жизни — норма, то для меня — мука, ведь я крещён. Давно порывался отойти от дел клана, но требовались деньги на чистый, не кровавый, бизнес, вот и копил с двадцати лет. Это те деньги, за которые не стыдно, на которых нет крови. Я уже сообщил Наркису о разрыве с криминалом, вечером отцу сообщу. Тебе сообщаю, потому что ты, Тоня, дорогой для меня человек. Уже подписал документы, теперь владею строительной компанией. Не вернусь в криминал, даже если... впрочем, не важно, с угрозами не впервой сталкиваться. Теперь о вчерашнем инциденте в больнице...

Тоня открыла рот, дёрнув подбородком, но Зураб остановил:

— Дослушай. Браки Халидаевых испокон века совершались по договору: и у Наркиса, и у отца, и у деда. Меня тоже решили женить, невесту нашли — Хамад, выгодный брак для семьи. Я не рыпался, не успел легализоваться, не хватило пары-тройки месяцев. Но вчера из больницы отправился к отцу Хамад, разорвал помолвку. Можно сказать, вышвырнулся из клана, — усмехнулся. — Теперь перед тобой начинающий законопослушный бизнесмен, холостой, одинокий, единоведец. Теперь совесть позволяет произнести заветные слова: «Тоня, я люблю тебя и прошу стать моей женой»

Зураб эффектно встал на колено прямо в тающий снег и достал коробочку с кольцом. Театральщина, да, но девушки... такие девушки...

Выбрали? Какие Зураб с Тоней вам больше нравятся?

Тоня охнула, прижала руки к щекам:

— Зураб, встань, пожалуйста, люди вокруг!

— Пускай все соберутся вокруг, я не поднимусь, пока не услышу ответ из уст любимой девушки, — он смотрел в глаза, не отмеряя отныне трёх минут.

Весь шар земной кружился вместе с первым солнцем последних дней зимы, ждущими Пасхи деревьями, белыми облаками в звонко-голубом небе, редкими прохожими, лавочками с отдыхающими пожилыми дамами, спящими воробьями, деловыми голубями, начинающими брачные верчения, и с «принцем» на коленях, невероятно красивым, ждущим от неё шага навстречу.

— Тебе надо исповедаться, Зураб.

— Безусловно, иначе не посмею прикоснуться к тебе, мой солнечный лучик.

— Тогда я согласна...

Зураб подскочил, подхватил девушку и закружил, а она, вцепившись в его куртку, волновалась:

— Зураб, нога, твоя нога!

Вечером Халидаев отправился к родителям. Наркиса не позвали — значит, беседа предстояла приватная. Сперва поужинали — это обязательная церемония в семье — после уединились с отцом в его кабинете под коллекцией восточного оружия.

С каким восхищением в детстве Зураб рассматривал ятаган с отломанным в боях кончиком, блистательный подсадачный нож, крепкую джамбию с узорными ножнами зелёного цвета, изогнутый крылом сокола кукри — до сих пор отголоски волнуют сердце. Умар опустился в любимое глубокое плетеное кресло и, прикрыв глаза, бросил:

— Говори.

Выяснять, что ему известно, нет смысла, как и скрывать своё решение. Перед смертью не надышишься.

— Дада, я ушёл из криминала и разорвал помолвку с Хамад, теперь собираюсь жениться на русской девушке Антонине. Это вкратце. Готов ответить на вопросы.

Умар молчал. Огромные антикварные часы громко тикали. Наконец, глава клана и отец семейства кашлянул:

- Смелые шаги, даже отчаянные. Вопросы будут. Начнём с дел клана. Наркис в курсе?
 - С сегодняшнего дня.
 - Куда уходишь?
 - Компания «Стройгород», — Зураб сглотнул, успокаиваясь. — До меня они занимались строительством и реставрацией, и не потянули. Я решил ограничиться строительством, реставрацию откупили армяне. Документы в порядке.
 - Генеральный? — отец, как всегда, по-деловому краток.
 - Да.
 - Долги за тобой остались?
 - Чист. Готов сдать дела.
 - Тебе кто-нибудь должен?
 - Рыжий — за крышу, Стаценко — за Сидир Ати, Нар — за разборки по цветным металлам.
 - Со Стаценко требуй.
 - Кто на него давит?
 - Не мы.
 - Тоня — его сестра.
 - Плохо, Зураб, плохо, ты пошёл против моего слова. — Умар покачал головой, выдав, наконец, эмоцию.
 - Готов понести наказание.
 - Наказание будет... позже, а, может, не будет — посмотрим. Привези невесту на воскресный обед, познакомимся... Откупные Азан-заде большие взял?
 - Три лимона.
 - Для тебя сейчас в напряг. Стаценко-таки прищучь, лезет в архалыг не по размеру. Твой будущий родственник плохо пахнет... И последнее. На чём мотаешься?
 - На такси.
 - Возьми мой Фольксваген, пока новую Ситир Ати не заведёшь. Заедь к Айхану, оформи доверенность.
 - Саг олун, дада.
 - Иди, отщепенец, посмотрим, многого ли ты стоишь в одиночестве.
- Зураб вышел со странным чувством: вроде ни отец, ни Наркис явно не оттолкнули, словно выжидая. Пожалуй, если бы он не провалялся в больнице больше месяца, они отнеслись к его решению радикальнее. Выходит, Стаценко благодарить нужно. Зураб набрал номер будущего родственника:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.